

Сон. Приснилось мне,
Что я воюю в чужой стране.
Рок, неравный бой...
Я ранен в голову, я герой...

Л. Федоров

ПРОЛОГ

Я видел много дождей, но этот поражал воображение — подлинная лавина воды, непрерывно падающая из низких лохматых туч. Немудрено, что между деревьями по краям дороги такая болотина. Хотя и дорога та еще — бронетранспортеры с трудом пробираются через размокшую глину, колеса прокручиваются, швыряя протекторами комья грязи. А сверху льет, льет, льет...

Иногда за шумом дождя и ревом моторов можно было различить душераздирающие крики в лесу — то ли звери какие-то рвали друг друга из-за добычи, то ли наша колонна пугала задремавших от непогоды птиц. Сизый дым за нами низко стелился у самой дороги, смешиваясь с водяной пылью.

Время текло сонно. Невозможно было понять, как долго мы према по этой дороге, — освещение не менялось час от часа, будто над тучами не солнце двигалось по эклиптике, а завис цеппелин с закрепленными дугowymi прожекторами. Видимость же во время дождя никудышная, так что с трясущейся брони БТРа не разглядеть ничего дальше стометровой дистанции. Вот такой путь из никуда в никогда. Однако никто из наших этого не замечает — устали уже.

В колонне три бронетранспортера, набитые мотопехотой, мы же внутрь не поместились, приходится на броне кочумать. А в такую погоду что на броне, что в бассейне — никакой разницы. Камуфляж промок до нитки, броник отяжелел еще больше, снайперка промокла, прицел пришлось снять и уложить в футляр, а сигареты я уже давно выкинул из кармана. Точнее, то, во что они превратились, — промокшую картонную коробку с табачным месивом.

Мы замыкаем колонну. На броне нас трясется семеро вместе со мной — все, что в этот раз осталось от нашей группы.

Командир — Игорь Зверев. Андрей — корректировщик. Витек — подрывник по прозвищу Цуцык. Иришка-Искорка, тоже снайпер, как и я. И двое крепких парней для штурмовой поддержки. Каждый раз за нами закрепляли новых штурмовиков, иногда не закрепляли вообще, так что я давно путаю их имена. К тому же лица у них... Ну, не то чтобы одинаковые, но есть в каждом общая черточка, настолько яркая, что нивелирует любые различия.

Вдруг сквозь шелест ливня и взрывывание мотора слышу — свист наверху. Не свист даже, а клекот, как у огромной хищной птицы. И тут же быстрая тень по тучам.

— Рейдер! — пригибаясь, крикнул Андрей и застучал кулаком в люк.

Но это и без него было понятно. Просто у корректировщика подобные навыки в рефлексах — увидел цель, тут же назвал ее, а дальше пусть стрелки разбираются. БТР под нами остановился, проехав с полметра юзом в грязи. Передние тоже замерли у обочин.

В такие моменты сразу видно, у кого какая реакция. Игорь Зверев из нас самый опытный, так он свой «АК-74» изготовил для стрельбы раньше, чем мы с Искоркой плюхнулись в грязь у колес. И тут же по ушам рубануло очередь. Раскаленные гильзы закувыркались по броне, с шипением посыпались в лужу. Пришлось еще и от них уворачиваться, а то попадет за шиворот — вспомнишь такие ругательства, которые раньше и на язык бы не навернулись.

Рейдер тем временем темным пятном прошмыгнул в пелене туч, но пальнул всего пару раз — Зверев так плотно держал его под огнем, что у пилота вся сноровка ушла на увертки, некогда было прицелиться. Он описал дугу и ушел выше, так что я потерял его из виду. Пилот скорее всего неопытный. Другой бы плотнее нас прижал плазмоганами, а этот то ли струхнул, то ли ошибся в выборе тактики, но так или иначе дал Игорю возможность перезарядить рожок в автомате.

Сзади под днище втиснулись двое штурмовиков, а за ними Цуцык и Андрей.

— Легкий рейдер, — уточнил корректировщик. — Без силовых экранов. Если еще раз сунется, Игорь завалит его на раз.

— А вы чего зашхерились? — рявкнул я на штурмовиков. —

Мне, что ли, снайперку собирать или Искорке? На кой вы нужны с автоматами, если командир один отдувается?

— Да че ты? — огрызнулся один. — Это же пукалки против рейдера! Одно дело из «калаша» долбить, а другое — из штурмовых пиндюров с глушаками. Они же, блин, под пистолетный патрон!

В этом он был прав, и мне пришлось заткнуться. Однако оставлять Игоря одного показалось мне непростительным. Ну что за народ? Все под броню, а один прикрывает. Снайперку изготавливать я, конечно, не собирался — на это уйдет с полминуты, не меньше, да и толку с нее против скоростной цели никакого. А вот где взять «калаш», я знал.

Свист пикирующего рейдера между тем приближался.

— Эй, салажье! — я выскочил из под брони и пару раз пнул ботинком в десантный люк, за которым пряталась мотопехота. — Автомат кто-нибудь даст?

Тут же тяжелая створка сдвинулась, и мне протянули сразу два «калаша», причем не «иглометы» 5,45, как у Зверева, а полноценные «АКМ» калибра 7,62. Из такого если дать прицельно, то с рейдера вмиг кожура слезет.

Один автомат я протянул Цуцыку, а с другим полез на мокрую броню, поддержать огнем Игоря. Честно говоря, я надеялся, что brave штурмовики тоже выклянчат у шпаков по автомату, и мы в пять стволов покажем рейдеру, на что годится армейский спецназ Российской Федерации. Но те предпочли из-под брони не вылезать. Ну и хрен с ними.

Я прислушался, чтобы рассчитать, где покажется рейдер, но мне помогло солнце — сначала на тучах показалась тень, затем уплотнилась, а через секунду из этого пятна вывалился матово-черный равнобедренный треугольник с пиками плазмоганов на двух углах.

На этот раз пилот действовал пошустрее, он выпустил две плазменные очереди раньше, чем кто-либо из нас успел выжать спусковой крючок. Огненные комки ударили сначала в грязь перед БТРом, поднимая в воздух фонтаны глины и пара, затем в броню, так что нам пришлось-таки прыгать вниз и ретироваться под днище. За БТР можно было не беспокоиться — плазмоганы нашу броню не берут. Американскую прошивают, как нож масло, а нашу хоть специально против плазмы не проектировали, но случайно там оказалась какая-то изюминка в

технологии, то ли омагниченность паразитная, то ли что-то еще. В общем, не берет ее плазма, хоть из тяжелой пушки пали. Так что наши БТР и танки в войсках ценятся по первому классу.

Наконец рейдер достиг нижней точки траектории и прошел над нами на бреющем, швырнув два «ежа». Один грохнулся на броню, о нем можно не думать, а другой угодил в грязь едва не у наших ног. Цуцык молодец, не растерялся, отшвырнул автомат, скинул броник и накрыл им «ежа». Так что когда бомбочка взвыла, разгоняя силовым полем сотню керамзитовых игл, лететь им оказалось некуда — половина ушла глубоко в землю, а половина, не набрав нужного ускорения на старте, застряла в титановых пластинах. Вот кому что, а Цуцыку главное не дать чему-нибудь взорваться. Интересно, он и в новогоднюю ночь брошенные петарды обезвреживает?

Сразу, как броник дернулся от удара, мы вдвоем с Игорем выкатились из-под днища и взяли уходящий рейдер в огненный клин. А он, зараза, плоский, как фанера, точно в хвост ему хрен попадешь. Но только рейдер начал закручивать петлю, наши пули его достали, продырявив, как мишень на стрельбище. Машинка дернулась, крутанула бочку и по кривой дуге ушла в лес. Через секунду из-за деревьев полыхнуло фиолетовым пламенем, и клекот стих.

Я глянул под броню и увидел Андрюхин кулак с выставленным вверх указательным пальцем. Затем поднял взгляд и... Блин, мы забыли совсем про второго «ежа». А он оказался с замедлителем, лежал себе на броне и поджидал жертву. Пилот, что его сбросил, сам уже в плазму превратился, а нам смертельное наследство оставил.

— Ложись! — рявкнул я изо всех сил и кинулся на «ежа» раньше, чем он взвыл.

Однако расстояние до бомбочки было слишком большим, иглы успели разогнаться как следует и прошили меня вместе с броником навывлет. Боль была, но не такая сильная, как я ожидал, — словно меня хлестнули десятком розг по голому телу. Иришка закричала, а я захлебнулся хлынувшей изнутри кровью и рухнул на спину. Прямо в лицо мне лились потоки дождя.

ГЛАВА 1

Розыгрыш

Я вскрикнул, проснулся и чуть не свалился с дивана. Грудь жгло, а дыхание восстанавливалось с трудом.

— Черт! — ругнулся я, скидывая одеяло. — Ну что за напасть!

Свет хмурых предутренних сумерек пробивался через занавески, еле заметно разжижая темноту в комнате. Я пошарил рукой по полу, ища сигареты, но не нашел. Наверное, против обыкновения я оставил их на столе. Сон запечатлелся в памяти отчетливо, но это ненадолго. Только начнешь шевелиться активно, он истончится и быстро перейдет границу, отделяющую реальные воспоминания от фантазий. В такие минуты главное — успеть его поскорее записать, пока еще понятна внутренняя логика сна, пока он не превратился в бессвязный бред.

Для этих целей у меня была специальная тетрадь — толстая, в обложке под кожу, с желтоватыми клетчатыми страницами. Конечно, далеко не все сны я туда записывал, но такие, как сегодняшней, — обязательно. За время, проведенное в госпитале и дома после ранения, они мне снились не меньше двух десятков раз. Эти ночные видения отличались от других тем, что всегда были про войну. Причем про войну в одном и том же залитом водой лесу, через который вела, по всей видимости, единственная грунтовая дорога, размытая и размочаленная до последней возможности. В лесу всегда шел дождь — непрерывно. Однако содержание снов отличалось порою весьма значительно. Сегодня, к примеру, почти не было боя, а в прошлый раз пришлось брать штурмом какую-то заросшую деревьями высоту у дороги, на мой взгляд, совершенно бессмысленную, но тем не менее очень хорошо укрепленную. Тогда из многоствольного лучемета накрыли Искорку в укрытии, и я видел в прицел, как ее тело в одно мгновение разнесло на сотню обуг-

ленных кусков. Кажется, тогда всем досталось. Причем я держался молодцом, меня убили одним из последних.

Встать с дивана не хотелось, а вот желание курить было неистовым. Оно пришло из сна, где мне в который уж раз не удалось сохранить сигареты сухими. В конечном итоге пришлось этому желанию уступить.

Я поднялся, и тут же под ногой хрумкнула картонная пачка.

— Черт! — в сердцах выругался я, не понимая, как мог не найти ее сразу.

К босой пятке прилипли табачные крошки и крохотный обрывок картона. Нагнувшись, я убедился, что ни одной целой сигареты внутри не осталось. Можно было, конечно, вытряхнуть табак и свернуть самокрутку, но не хотелось возиться, к тому же мысль о вонючем дыме газетной бумаги притупила тягу к никотину.

Я решительно швырнул пачку в мусорное ведро на кухне и достал из стола тетрадку для записи снов. Поначалу особой системы в таких дневниках не было, я просто по памяти переписывал военные сны, которые в отличие от всех остальных помнились очень ярко. Но позже, когда я понял, что воевать по ночам приходится примерно в одной и той же местности, примерно с одним и тем же противником, против вооружения единого типа, мне пришла идея все упорядочить.

Начал я с оружия и местности. Сперва составил нечто вроде энциклопедического словаря, состоящего из небольших статей, в которых было одно или несколько жаргонных названий оружия, его внешнее описание, принцип действия, как я его понимал, а также поражающие факторы и тактико-технические данные, полученные, как правило, опытным путем.

Поначалу с названиями была путаница — в разных снах разные люди называли одни и те же вещи по-разному. Но потом я понял, что, несмотря на это, все понимают, о чем речь, так что я стал записывать то название, которое больше всего нравилось мне самому, а остальные иногда указывал в скобках.

Потом случайных людей в моих снах почему-то становилось все меньше и меньше, а из тех, с кем мне в реальности пришлось пройти огонь и воду, сформировался некий костяк. В конце концов небольшая часть нашего взвода, которым мы воевали на афганской границе, превратилась в сплоченный отряд. Правда, в реальности этот отряд было уже не собрать.

Игорь Зверев погиб в Таджикистане, Искорку списали по здоровью после третьей чеченской, причем здоровье я сам ей подпортил, но выхода другого не было. Лучше полгода похромать, чем раньше времени улечься в могилу. Андрей чуть позже сам уволился и уехал на родину. Там он служил в дорожной милиции, а я чуть не вовлек его в отчаянную авантюру, когда американцы собирались вторгнуться в Крым. Но не успел. В один жуткий для меня день Андрей, сопровождая на патрульной машине колонну автобусов с детьми, принял на себя лобовой удар встречной машины, выехавшей на встречу. И надо же — по жуткой иронии судьбы этой машиной оказался «Хаммер», в котором командир американских десантников ехал на встречу в городскую администрацию. В общем, Андрей детей спас, а сам... Я даже к нему на похороны не пошел, не проводил. Не сумел заставить себя увидеть его мертвым. Хотя, говорят, его в закрытом гробу хоронили.

Реально в строю из сегодняшних остался только Цуцук, но мы с ним не виделись довольно давно.

Независимо от того, кто из нас был жив, а кто погиб, мы все погибали в снах. Я по многу раз видел смерть каждого из соратников, а меня самого она настигала каждый раз перед пробуждением. Но затем мы снова встречались в лесу под ливнем, на размокшей и раздолбанной колесами и гусеницами дороге, стараясь не обсуждать того, что было в предыдущие разы.

Лишь просыпаясь, я спешил записать все в тетрадку, систематизировать опыт, чтобы второй раз не наступать на одни и те же грабли. Я учитывал причины как собственной гибели, так и гибели друзей, я был готов поделиться с ними наблюдениями, но, засыпая, сам попадал под власть неписаного закона — о смерти ни слова.

В этот раз большого опыта я не набрал, поэтому запись оказалась скупа — я запечатлел на бумаге только поход из ниоткуда в никуда, состав команды, число бронемашин. В статейку о «ежах» я добавил, что они могут иметь систему замедления взрыва более чем на десять секунд, поэтому следует внимательно отслеживать каждый сброшенный с рейдера снаряд.

Сам легкий рейдер описывать не было необходимости — эти машины, непонятно кем и как управляемые, появлялись чуть ли не в каждом сне и были мною подробно описаны. В поведении этих боевых летательных аппаратов было, на мой

взгляд, одно важное противоречие, которое я до сих пор не разрешил. Из-за очень плоской формы летающего крыла в нем не мог уместиться пилот, однако в бою рейдеры всегда вели себя так, словно управлялись не дистанционно, а изнутри. Ну, это всегда можно понять — пилоту за пультом где-нибудь в бункере не страшно вести аппарат на пули, а рейдеры всегда активно маневрировали в бою, спешно уходя за тучи, если попадали под плотный обстрел. Получалось, что либо пилоты несли очень серьезную ответственность, вплоть до смертельной, за потерянный аппарат, либо они все-таки находились в кабине, а не в бункере. Если допустить второе, то они имели просто крохотные размеры.

Во сне это казалось естественным, но после пробуждения я каждый раз задумывался над тем, кто наш противник. Точнее, нет, судя по навороченному вооружению, понятно было, что это не люди или люди далекого будущего, но я не мог понять, как моя фантазия рождала столь сложные конструкции. В детстве, конечно, я придумывал всякие штуки, а потом наворачивал разные истории с ними, и друзья вечерами слушали мои байки с большим интересом. Но то было в детстве.

Хотя, скорее всего, человек никогда не взрослеет. Просто ребенок с возрастом вынужден вгонять свое поведение в довольно жесткие рамки, в результате чего его действия упорядочиваются и делаются похожими на поступки других взрослых людей. Но внутри все по-прежнему остаются детьми. Один мой верный друг, с которым судьба раскидала нас очень давно, написал как-то песню, в которой были такие слова: «Лишь выросли в цене игрушки да соски превратились в кружки». Куда уж точнее.

Поэтому основной версией происхождения моих странных снов была теория о реинкарнации детских фантазий в теле реального боевого опыта, полученного на войне. Иногда, перелистывая тетрадь, я всерьез подумывал о том, чтобы написать книгу про команду наемников, воюющих в этом странном лесу непонятно с кем. Получилась бы боевая фантастика. Наверное. И хотя я считал, что неплохо могу излагать мысли на бумаге, но, представляя, какой титанический путь ждет меня в случае подобного решения, я малодушничал и отказывался. Кстати, для отказа от книгописания у меня в последнее время появился веский предлог — глупо тратить время на то, чем

нельзя заработать, а уж тем более глупо заниматься тем, что требует немалых вложений. Я был уверен, что современные писатели в отличие от советских публикуются за свой счет, а значит, все они люди изначально состоятельные, чего обо мне уж точно сказать нельзя.

Кстати, именно сегодня мне обещали работу, так что надо приводить себя в порядок и выдвигаться. Снова захотелось курить, но я взял себя в руки. При нынешнем финансовом положении на новую пачку у меня банально не было денег. Вот так. Дожил боевой офицер.

Мелкий осенний дождик крапал с низкого московского неба, заставляя прохожих щуриться от смешанных с ветром брызг и кутаться в воротники плащей. Говорят, что дело, начатое в дождь, обречено на успех. Не знаю, я не вел статистики. Может быть, сегодня вообще первый случай, когда мне в дождь придется начинать новое дело.

Жерло метро всасывало в себя людской поток, как сливное отверстие раковины втягивает воду. Час пик. Толкотня. Как-то я отвык от этого. Шесть лет в горах, почти безвылазно, перестраивают восприятие на другой лад, так что городская суэта начинает напрягать в высшей степени, вызывая беспричинные приступы паранойи. Особенно плохо бывает в метро. И дело вовсе не в клаустрофобии, я ею никогда не страдал, а в невольном перемалывании бродящих в толпе эмоций. Негативные это эмоции, вот в чем дело. Чаще всего раздражение — это днем, в давке, особенно на кольцевой ветке. Вечерами, когда почти пусто, — страх или беспокойство. В праздники или в дни футбольных матчей — пьяный кураж. И всегда — ощущение несбывшихся надежд, невыполненных желаний, ощущение бесцельно пробегающих дней.

Я влился в поток и опустил воротник плаща. Мокрая лестница, прозрачные двери, сверху донизу оклеенные рекламными стикерами. Запах горячей слоеной выпечки — это из притулившегося в переходе киоска. Каждый такой пирожок по девять рублей, я знаю, но у меня в кармане завалялась только одна десятирублевая монета и проходка в метро. Все, что осталось от положенного по увольнению пособия. В принципе эту монету можно было потратить, поскольку Гришка, старый приятель, клялся, что если меня возьмут на работу по его реко-

мендации, то сегодня же я получу подъемные в счет будущей зарплаты. Но вот это «если» не давало мне покоя, поскольку если ничего не получится, то надо будет возвращаться домой, купив билет в метро за семь рублей. Ни на пирожок, ни на сигареты тогда точно не хватит. Дома же еще в достатке гречневой крупы, так что пирожок можно с полным основанием считать блажью.

В общем, эта поездка была для меня довольно рискованной, несмотря на заверения Гриши. Я невольно усмехнулся этим мыслям.

«Дожил, — подумал я, продираясь через турникет к платформе. — Ну и укатала меня гражданская жизнь! Четыре месяца назад под минометным обстрелом скакал, а теперь на работу устраиваться рискованно».

Однако все обстояло именно так. Три месяца в госпитале и месяц почти безвылазно дома превратили меня совсем не в того, кем я был в отряде. На госпитальной койке я вдруг понял, что моя жизнь, скорее всего, имеет еще какую-то ценность, кроме заявленной Уставом и командирами. Сначала мне трудно было об этом думать, но, глядя в экран телевизора и читая газетные статьи, я очень быстро понял, что Родины, собственно говоря, никакой и нет. Точнее, физически она есть — пространство от Калининграда до Петропавловска-Камчатского, — но вот в сакральном понимании — фикция. Все это физическое пространство на поверку принадлежало не тем, кто сейчас толпился вокруг меня на платформе метро, а совсем другим людям, чьи лица мы никогда не видим за темными стеклами «Мерседесов» с мигалками. Причем Родина принадлежала им вполне реально, их владение ею было подтверждено финансовыми и юридическими документами. Эти люди могли строить на ней, продавать ее как целиком, так и по частям, извлекать из нее прибыль, писать и переписывать ее законы, не подчиняться им, отдыхать в лучших ее местах, недоступных тем, кто защищает ее границы с автоматом и снайперкой в руках.

Вообще-то насчет автомата и снайперки я погорячился, конечно. Это сразу по выходе из госпиталя я так думал, но потом, когда город начал меня в себя вбирать, я увидел, что за Родину каждый день борются миллионы людей, даже не думающих об этом. Они ходят на заводы и фабрики, стоят за прилавками,

водят такси и делают для Родины огромное количество других каждодневных подвигов. Но она им все равно не принадлежит. Они ей принадлежат, а она им нет. Такая вот математика.

И вот тогда я впервые испугался по-настоящему. Так, как не боялся под огнем крупнокалиберных пулеметов, хотя это тоже не для слабонервных времяпрепровождение. Я понял, что, если бы меня убили тогда, это было бы самой большой глупостью, какую можно вообразить. Не глупо получить ножом в печень во время драки с грабителями, отбирающими последние деньги у матери троих детей. А вот погибнуть в бою, отстаивая чужую собственность, из которой кто-то другой извлекает прибыль, — глупо до невозможности. Это все равно что пытаться ценой собственной жизни остановить разборки между двумя городскими бандами, начавшими перестрелку из-за вопроса, кому снимать дань с казино. В общем, разница между казино и Родиной стерлась в ноль — и то и другое теперь было полноправной чужой собственностью. Только дань у владельцев Родины называлась не данью, а налогами, но сути это не меняло — все равно процент от прибыли.

Причем мне обидно было не столько за себя, сколько за деда — морского пехотинца, раненного во время керченского десанта. Я-то хоть деньги получал, пусть и скромные, от владельцев Родины, а он бил фашистов и победил, отстоял Родину совершенно бесплатно. Для Березовского отстоял, для Ходорковского и нефтегазовых корпораций. Они ею попользовались как следует, отстроились за границей, кого-то из них посадили, кого-то нет, а смысл все равно остался прежним. Просто придут другие владельцы, повыжимают из Родины еще по капле, может быть, некоторых из них тоже посадят.

И что самое удивительное, я понимал, что это нормально, что иначе никогда не было и никогда не будет. Одни владеют собственностью, другие на ней работают за скромную плату. И при первобытном строе так было, и при рабовладельческом, и при феодализме ничего в этом плане не изменилось, и при капитализме, и при социализме, и при нынешней демократии. Более того, я уверен, что и при коммунизме было бы точно так же. Весь мир принадлежит очень малому количеству людей, а остальные на них работают. И никакими бунтами, никакими революциями изменить ничего нельзя, а можно лишь поменять горстку одних владельцев на горстку других. Ну не может

народ ничем владеть, что бы об этом ни говорили. А потому воевать народу нет никакого смысла — разве только за деньги.

Поэтому я и голосовал за Путина, когда его выбирали на второй срок. Многие обещали сделать профессиональную армию, но он первым сделал в этом направлении реальные шаги. Это было достойно как минимум уважения — не отбирать чужую кровь, а покупать ее.

Однако, кроме этого выбора, я сделал для себя и другие. После всех своих войн я начал последнюю — войну с иллюзиями, превращающими людей в быдло. Я вычленил вирусы заблуждений, рассаживаемые средствами массовой информации и народными слухами, препарировал их, пытался понять, как они работают, на каких низменных чувствах играют и кому они выгодны.

Я выбрал цель. Нет, этой целью не были газеты или телекомпании. Я слишком хорошо умел убивать людей, чтобы опускаться до терроризма. Терроризм — оружие трусов, а я себя таковым не считал. Моей целью стали иллюзии сами по себе, а не те люди, кто придумывает их и распространяет.

Я выбрал оружие. Не снайперскую винтовку, с которой неплохо умел обращаться, а отказ от иллюзий. Для себя самого. Никому другому я навязывать ничего не собирался, даже пропагандировать свои идеи мне бы в голову не пришло. В общем, я не хотел никого освобождать от иллюзий, я просто решил обороняться от них сам, не пускать их к себе в голову, отказываться от взгляда на жизнь, к которому они подталкивают, — и все.

За несколько недель, проведенных в городе после госпиталя, я понял, что не ошибся ни в выборе цели, ни в выборе средств. Были и первые победы. К примеру, я выследил одну пронырливую идейку, проползающую в умы из рекламных роликов, отыскал в себе ее следы, поймал за хвост и навсегда вышвырнул из головы. Это была иллюзия того, что быть бедным хорошо, а богатым — стыдно.

«Говорят, что они крепко стоят на ногах, — говорил рекламный диктор за кадром, пока на экране переходили дорогу мелкие клерки какого-то крупного коммерческого учреждения, — и нам до них никогда не подняться. Но это только кажется».

Далее камера начинала двигаться вперед, менеджеры разбе-

гались, а на экране появлялся логотип «Лада». Такая вот дурь. Как будто обладать наспех свинченной пьяными слесарями «Ладой» было куда более почетно, чем работать мелким менеджером в крупном коммерческом учреждении.

Я знал, что этой иллюзией поражено большинство населения нашей необъятной страны, покупающего отечественные сигареты потому, что это якобы патриотично. «Мальборо», мол, пусть буржуи курят. Хотя стоит глянуть на боковинку «Золотой Явы», чтобы найти там торговую марку истинного производителя — того же самого, что и у «Мальборо», кстати. «Ява», конечно, дешевле, но не потому, что отечественная, а потому, что американцы набивают ее коровьим дерьмом вместо табака.

То же и с пивными брендами, которые все без исключения принадлежат западному капиталу. Однако, зная, сколько людей находится под властью этих иллюзий, я не собирался проповедовать отказ от них. Это была моя война, и ничья больше. Я хотел хоть раз повоевать сам за себя, а не за кого-то другого. И чем дальше, тем больше мне это нравилось.

Убив в себе первую иллюзию, я понял, что в богатстве нет ничего постыдного. Напротив, богатство есть мера человеческого достоинства — во сколько каждый сам себя ценит. А если так, то любой честный способ заработка хорош. То есть быть водителем «Мерседеса» и получать пятьсот долларов в месяц ничуть не хуже, а даже лучше, чем с теми же навыками развозить пиццу на раздолбанной «Ладе» за сто пятьдесят. И если ты зарабатываешь мало, то это повод для поиска новой работы, а не для гордости.

Правда, в этом поиске мне поначалу не очень везло. Бывшему армейскому капитану, уволенному по состоянию здоровья после ранения, не так легко устроиться на гражданке, как можно подумать. В серьезные охранные фирмы не берут по многим причинам. Во-первых, твой боевой навык там никому не нужен. Здесь город, а не чеченские горы. Во-вторых, здесь важен высокий рост и внушительный вес, дистанционно убеждающий потенциального злоумышленника, что с таким громилой лучше не связываться. Даже если громила на ногах едва держится. Я же ни ростом, ни весом похвастаться не мог — снайперу это ни к чему, только мешает забираться на высокие огневые точки и таскать с собой снаряжение.

Так что меня и без ранения в охранной фирме не очень ждали, а уж с двумя минометными осколками в животе — так и вовсе. С другой стороны, на войне чему только не научишься — я и машину неплохо водил, и по части механики руки были под инструмент заточены. Но главное, что на войне вылетает из тебя напрочь, — это трусость. В общем, я готов был взяться за любую работу — знал, что получится. Научиться можно чему угодно, был бы спрос на работу.

А недавно Гриша, мы с ним еще в школьные годы вместе в фотокружке занимались, звонит, говорит, что им в фирму нужен водитель на «Мерседес» за полтысячи долларов в месяц. Вообще-то на «мерсе» я не ездил даже справа, но чем не машина? Разберусь.

Поезд подземки с грохотом мчался во тьме тоннелей, за стеклами пролетали трассирующие очереди фонарей. Окружающие люди, находясь по сути в одном вагоне, пребывали тем не менее в разных мирах, чаще всего не замечая друг друга. Разве что если кто-нибудь на ногу другому наступит. Многие читали книжки в мягких обложках, желая хоть на время поездки очутиться в веселых мирах, созданных мастерицами иронических детективов. Иногда я видел в руках любовные романы — по большей части у дам, во всех отношениях небогатых и чаще всего немолодых. Молодые люди предпочитали отправляться в фантастические миры, где из-за спины главного героя можно было подглядеть, как тот дерется с инопланетянами или собирает эльфов в поход против гоблинов. Иногда можно было заметить в толпе обложку какой-нибудь распиаренной псевдоэзотерики вроде Пауло Коэльо. Однако подавляющее число пассажиров метро предпочитало газеты. Есть в нашем народе какое-то неизбывное доверие к печатному слову. И многие верят, что в газетах пишут правду. Ну, хотя бы в некоторых рубриках. Хотя бы иногда.

Под землей расстояние между станциями кажется больше, чем когда поднимаешься на поверхность. Никак не могу понять, отчего возникает такая иллюзия. В центре от входа на одну станцию видно следующую, а ехать — минут пять, а то и десять. Не может же поезд ехать медленнее, чем идет пешеход! Но сейчас у меня не было настроения разбираться в этом.

На «Пушкинской» я пересел на другую ветку и отправился дальше, в те места, где бывал крайне редко. Чем дальше от

центра, тем проще убранство станций, тем меньше в них навязчивого пафоса сталинской эпохи. Стоя без дела в вагоне, я невольно вспоминал сон, в котором меня пронзили иглы «ежа». Довольно глупо получилось. Однако, пытаясь понять, как следовало поступить в таком случае, я не мог найти однозначно верного решения. Лучшим выходом было кинуться под броню, но я ведь не один вылез. Тогда бы убило всех. Всех, кроме меня. А так меня одного, поскольку я был к бомбочке ближе всех.

Я усмехнулся, поняв, что сегодняшняя моя гибель впервые была не поражением, а победой. Пожалуй, в снах я добился определенных боевых успехов, чего про реальность пока не скажешь.

На станции «Октябрьское поле» я выбрался на поверхность и присел на парапет под навесом, ожидая приятеля. Судя по времени, он должен был явиться минут через десять. Дождь продолжал крапать, Москва поросла грибами — полосатыми, черными и клетчатыми грибами зонтов. Иногда попадались яркие, флюоресцирующие шляпки молодежных зонтиков. Я невольно вспомнил дождь из сна. Странно, но в таких снах мне постоянно хотелось курить, однако непрерывные потоки воды с неба начисто исключали такую возможность. Иногда мне приходила мысль забраться внутрь БТРа или хотя бы под днище на стоянке, чтобы покурить, пользуясь укрытием. Но даже в самом начале сна пачка сигарет в кармане оказывалась насквозь промокшей.

Поначалу я думал, что можно сосредоточиться на том, что во сне сигареты должны оказаться в герметичном портсигаре, мол, так и будет. Ан нет. Моя начальная экипировка всегда была одинаковой. Менялся состав команды, причем помимо моего желания, менялось количество бронетехники, иногда присоединялась авиация, но лично я всегда оказывался во сне в камуфляже, с тяжелой снайперкой калибра 12,7 миллиметров, с пистолетом «АПС» в пластиковой кобуре и с пачкой промокшей «Золотой Явы» в кармане. Причем, что характерно, на войне я камуфляж почти никогда не носил, у нашего подразделения была черная форма, вроде той, какую в советские времена носила морская пехота. Что же касается снайперки и «стечкина», то это и впрямь было оружие, которым я действовал в реальных боях. А вот с «Явой» промашка. Я ее

бросил курить еще в госпитале, перейдя на пусть и более дорогой, но куда более приличный «Честер».

В назначенное время Гриша не пришел. Честно говоря, этот факт нагнал на меня такую волну уныния, которую можно было сравнить с девятым валом на одноименной картине Айвазовского. Холодную, тяжелую волну безысходности. Хоть вой. Если быть точным, то это был мой единственный шанс устроиться на работу. А так... Бутылки, что ли, начать по помойкам выискивать?

Собрав волю в кулак, я спустился под землю в надежде выклянчить у кого-нибудь один звонок по таксофонной карте. Это было стыдно, но я хотел выяснить у Гриши, в чем дело. Пристроившись у лотка с книжной продукцией, я принялся высматривать кандидата. В основном люди звонили занятые, спешащие, говорили урывками, телеграфными кодами, бросали трубки, взбегали по лестнице наверх. Их место занимали другие, точно такие же. Лишь минут через пятнадцать я заметил крупную грубоватую девушку лет двадцати пяти. На ней были зеленые вельветовые брюки, оранжевый свитер крупной вязки и рыжая куртка-ветровка чуть короче свитера. Она несколько раз набрала номер, но на том конце, по всей видимости, было занято, поэтому она отошла от таксофона в надежде повторить звонок через некоторое время. Для меня это был идеальный вариант.

— Девушка, — шагнул я к ней. — Позвольте, пожалуйста, сделать один звонок по вашей карте.

Она оглядела меня с глубоким непониманием того, почему я не могу купить карту всего за тридцать пять рублей. Ей было проще протянуть мне свою, чем напрягаться и думать об этом.

— Спасибо. — Я улыбнулся и поспешил к таксофону.

Набрав Гришин мобильник, я услышал голос электрической женщины, который сообщил мне, что телефон абонента выключен или находится вне зоны досягаемости. Со вздохом я вынул карту и вернул хозяйке. Оставалось только спуститься еще глубже в метро, но девушка неожиданно меня окликнула.

— Извините, — она посмотрела мне прямо в глаза. — Мож-но задать вам вопрос?

— Пожалуйста. — Я пожал плечами.

— Почему вы попросили у меня карту?

То ли непонимание моих действий всерьез поставило ее в

тупик, то ли, что показалось мне более вероятным, она решила как-то меня использовать. Можно было, конечно, отмахнуться и идти куда шел, но она меня выручила, и не хотелось ее обижать. Хотя была и еще одна причина, по которой я ей ответил. Более веская, если честно. Нет, не то чтобы я намеревался с ней флиртовать, этого и в мыслях не было — ну, не в моем вкусе девушка. Хотя какой к черту вкус после многомесячного одиночества? Короче, я помимо воли ей ответил:

— У меня нет денег, а надо было сделать важный звонок.

— Даже пятидесяти рублей нет?

Я не смог уловить, какой огонек блеснул в ее глазах, но это была какая-то яркая эмоция.

— Даже пятидесяти.

— А хотите заработать?

У меня екнуло сердце. Вообще-то на такие предложения лучше сразу отвечать отказом. Не то что у меня был горький опыт, но, исходя из банального здравого смысла, следовало, что это какая-то разводка. Просто потому, что для удачи слишком ярко. Она редко так вот, открыто, идет к тебе в руки. Куда чаще под удачу маскируются махинации нечестных людей.

С другой стороны, терять мне было нечего. Что с меня можно взять? Развести на десять рублей? Вряд ли кто-то станет тратить время на это, да к тому же, именно в случае со мной, могут возникнуть проблемы. Просто в силу специфики моей бывшей профессии.

— Хочу, — ответил я.

— Тогда давайте поднимемся, сядем в кафе, и я вам объясню, в чем суть дела.

— А здесь нельзя? — Идея с кафе мне очень не понравилась.

— Ну... Как-то странно здесь говорить о делах.

«Разводка, — уверенно подумал я. — Наверное, у нее в том кафе есть возможность поставить клиента на счет. Тут уж не будет разницы, есть у меня с собой деньги или нет. С ментами все равно будут проблемы, а мне они сейчас не нужны».

— Нет, — покачал я головой. — Извините, но ни в какое кафе я не пойду. И на такси никуда не поеду. Своих денег у меня нет, а в долг у вас я ничего брать не буду. Простите мне такую невежливость?

— Прощу, — усмехнулась незнакомка. — Если честно, то я

сама круто попала и мне нужен помощник, чтобы сохранить лицо.

— И вы мне за это заплатите?

— Нет, конечно. У меня у самой голяк. Но я пашу на фирму, которая лепит рекламу.

— И что?

Ее сленг начал меня напрягать. На мой взгляд, у девушки язык должен быть поблаговзвучнее.

— Им нужна модель.

Я чуть не расхохотался.

— Кто, извините?

— Модель для фотографии. Нужно сделать рекламу одеколona в журнал.

Больше всего меня поразило, с каким честным видом милая девушка лепит подобную чушь. Ну ладно, пусть твоя профессия разводит лохов, но нельзя ведь держать людей совсем за дебилов! Хотя, если такие приемы прижились, значит, на то есть причины. Огромное число людей играют во всевозможные лотереи, надеются на удачу с игровым автоматом, участвуют в различных газетных конкурсах, на полном серьезе надеясь получить больше, чем вложили, хотя рассчитывать на это может только полный дебил. Системы разные разрабатывают...

— Нет, спасибо, — я развел руками в извиняющем жесте. — Поищите кого-нибудь другого, ладно?

— Черт! — психанула незнакомка, зло засовывая карту в карман. — Что за день у меня сегодня?

Не обращая на меня больше внимания, она снова подошла к таксофону и, прижав трубку к уху, нервно застучала по кнопкам. Это меня остановило. Ее нервность как-то не вязалась с моей теорией. Или девочка очень хорошая актриса, что, в общем-то, не редкость среди разводчиков, или у нее действительно неприятности. Если вероятность второго хотя бы процентов пять, то я козлом буду, если не помогу. Она-то ведь мне карту дала, когда мне было надо.

Наконец незнакомка дозвонилась, но радость, мелькнувшая на ее лице, была недолгой. Поговорив меньше полминуты, он снова чертыхнулась себе под нос и повесила трубку.

Оставаясь в сомнениях, я прикинул возможные последствия, вздохнул и шагнул к ней.

— Я решил вам помочь, — сказал я, глядя ей в глаза.

— Вот как? — в глазах ее снова разгорелся огонек.

— Да. Идемте в кафе или куда там.

Она секунду не сводила с меня взгляда, словно пытаюсь понять, почему я передумал. Затем кивнула:

— Ладно, в кафе. И не грузитесь вы так! Ничего ужасного я вам не предложу.

Мы поднялись наверх и устроились в простеньком кафе, расположенном между «Ростиксом» и пивнушкой. В общем, заведение для людей, не обремененных лишними средствами.

— Меня зовут Катя, — сообщила девушка, усаживаясь за круглый столик из зеленого пластика.

Я повесил плащ на стоящую рядом вешалку, стесняясь потертых серых брюк и оттянутого черного свитера. Однако оставаться в мокром плаще мне показалось в высшей степени неудобным.

— А меня Александр, — назвал я свое настоящее имя. — Можно, конечно, Саша. И давайте на «ты», ладно? Не такой я старый.

Катя глянула на меня чуть искоса, словно оценивая, не начал ли я ее клеить. Именно этот взгляд окончательно меня успокоил. Разводчице было бы без разницы, точнее, мой сексуальный интерес она бы использовала в собственных целях. А эту напрягло. Возможно, ей действительно нужна была только моя помощь.

— Ну, фишка тут вот в чем, — не очень уверенно начала она. — Я недавно устроилась в рекламную фирму. Ну, там ролики всякие лепим, делаем фотосесии для журналов, озвучку для телерекламы... У меня только кончился испытательный срок, в этом месяце мне должны дать первую зарплату. Но сегодня получился крупный облом. Мне надо было договориться с Аликом, одним артистом, о проведении фотосесии, а у него аппендицит. Словно специально. Еле дозвонилась, все занято, занято, а потом его сожитель говорит, что у Алика аппендицит.

Про аппендицит она сказала таким голоском, каким пародисты копируют геев. Я усмехнулся. Мне не приходилось лично сталкиваться с представителями сексменьшинств, но мысль о том, как именно они предаются любовным утехам, вызывала во мне невольное отвращение.

— В общем, Алика увезли на «Скорой», — со вздохом продолжила Катя.

— И что в этом страшного? Твоей-то вины нет, так чего беспокоиться?

Подошла официантка. Катя заказала себе чай и пирожное, а мне просто чай. Хотя от пирожного за чужой счет, пусть и за счет дамы, я бы сейчас не отказался. Какое к чертям рыцарство на пустой желудок? Гречка не в счет, она из меня скоро сыпаться начнет. В чистом, непеваренном виде.

— Да я грузанулась, что никакого аппендицита у Алика нет, — вздохнула Катя. — Этот форс-мажор может быть чистым палевом.

— Чем? — Дешифратор сленга в моей голове начал давать сбои.

— Ну, проверкой для меня. Понимаешь, наш босс, Веничка-Ирокез, постоянно втирает о необходимости проявления инициативы в разумных пределах.

— Он, случайно, не служил офицером? — спросил я с усмешкой, вспоминая речи нашего майора.

— Как ты догадался? — она усмехнулась, поднимая чашку к губам. — Да, он вроде был штабником. Кто-то гнал, что даже в Чечне.

— У меня есть опыт общения с армейскими офицерами, — сказал я.

После выяснения боевого прошлого Венички-Ирокеза мысль о подставе с целью проверки не казалась такой уж глупой. Еще во времена срочной службы был у нас замполит, который страсть как любил проверять караулы скрытым порядком. Не любили его люто. Правда, одна из таких проверок для замполита закончилась плачевно. При попытке проникнуть в караульное помещение незамеченным он был задержан караульным бодрствующей смены Аленом Тартлайном, эстонцем. В память об этом инциденте у подполковника прибавился внушительный синяк под глазом, убавилось зубов, а после разыскания командующего еще и звездочек на погонах.

— Веничка все время парит народ, мол, сотрудник должен не просто пахать и получать зарплату, а инициативно реагировать на изменения обстановки с целью увеличения прибыли предприятия. В общем, он мог запросто позвонить Алику раньше меня и сказать, чтобы тот отмазался аппендицитом.

— А смысл?

— Ну как же! Посмотреть, как я выкручусь.

Она достала пачку «Винстона» и одноразовую зажигалку. Закурила.

— Понятно, — я вздохнул, вбирая ноздрями табачный дым.

Курить хотелось до одури, но стрелять у девушки было для меня табу. Пирожное вот запросто, а сигарету — никак.

— Угощайся. — Она заметила выражение моего лица.

Я взял сигарету и прикурил. Черт возьми! Какое же удовольствие может иногда доставлять дурная привычка! Привычка, которую почти не замечаешь, когда есть сигареты, или которая раздражает, когда куришь слишком много.

— Короче, Ирокез мог устроить мне испытание — смогу я найти замену Алику или нет.

— И ты решила подобрать на улице первого встречного?

— Не первого. У Алика очень фактурная внешность. Он такой, знаешь, мужественный педрилка. Ну, это трудно объяснить. Короче, в основном если мужественные, то отвратительные мужланы. Волосатые и заскорузлые. А педрилки чаще всего чересчур смазливые. Серединка же бывает крайне редко.

— Хочешь сказать, что я похож на этого Алика?

— Да нет, не грузись! Но в тебе есть та же самая фишка. Ты не качок, но в выражении лица есть что-то боевитое. Как будто ты кого-то убил, а тебе за это ничего не было.

«Она что, психолог по образованию?» — с удивлением подумал я.

— Я такие вещи вижу, меня за это в фирму и взяли. Еще у меня хорошо получается фокус-группы формировать. Короче, психологическое образование, пусть и неоконченное, даром не пропадает.

«Ну, ничего себе! — такого поворота я не ожидал. — Психолог с такой манерой изъясняться — перебор».

— А почему неоконченное?

— Да так, — Катя махнула дымящейся сигаретой. — По финансовым соображениям. Ну что, поедешь сниматься?

— Вообще-то это бред. Ну какая из меня модель? Рожа осунувшаяся, патлы нечесанные. Грима тонна уйдет. Не позорься. Скажи, что у Алика аппендицит.

— Ну да. За сессию фотографу заплачено, за аренду студии тоже, визажисты сидят на стреме, и им тоже уплачено за день... А я приеду и скажу, что облом. Уволят к чертям под горячую руку.

Вообще-то она была права, а мне поехать ничего не стоило.

— Если не веришь, что я из фирмы, вот визитка. — Катя протянула мне картонный прямоугольник.

Конечно, наклепать сотню визиток с данными хоть старшего курьера «Лукойла» стоило немного. Но что-то трогательное было в том, как Катя попросила помощи. Было в ней что-то от опустившегося боевого офицера, у которого нет денег на таксофонную карточку. Потенциал в ней был, вот что мне показалось. И жалко было ей отказать. В конце концов я психанул сам на себя.

«Ты превращаешься в урода, — шепнул мне внутренний голос. — Совсем недавно ты рисковал жизнью всего за триста долларов в месяц, а теперь сдрейфил откликнуться на просьбу девушки? Это что, страшнее, чем лететь на вертолете по ущелью под прицелом зенитных ракет?»

Я сунул визитку в карман. Не знаю, что побудило меня это сделать. Если быть до конца честным, то, скорее всего, наличие среди прочих атрибутов еще и домашнего телефона. Хотя это вряд ли было осознанно — у меня и мысли не было по нему звонить. Хотя нет, вру. Была мысль. И состояла она в том, что если я Катю выручу, то она в какой-то мере будет мне обязана, а значит, позвони я ей, она, может, и не откажется провести со мной вечерок, сходить в кино или что-нибудь в этом роде. Конечно, сейчас у меня не было ни на вечерок, ни на кино, но я очень надеялся как можно быстрее изменить ситуацию.

— Едем, — кивнул я.

Мы допили чай, после чего новая знакомая заплатила по счету, а затем убедила меня ехать на такси, а не на метро.

— Во-первых, мы спешим, — говорила она, стоя у края дороги с поднятой рукой. — Во-вторых, деньги на такси мне выдают на работе. Можно, конечно, схалтурить, поехать в подземке, но после такого испытания работать можно только на заводе. Творческую жилку метро слизывает без остатка.

Надо признать, что во многом я был с ней согласен, а предложение ехать на метро было с моей стороны не более чем демонстрацией нежелания пользоваться ее деньгами. Правда, эта игра уже начинала меня утомлять. В конце концов, она сама за меня платила, а человек не будет этого делать, если ему невыгодно. Лишать же ее выгоды в мои планы совершенно не входило. Интересно, какую заковыристую философию можно

придумать, чтобы оправдать отсутствие денег в кармане. Я вспомнил рекламу «Лады» и отметил, что это как раз и есть частный случай такой философии, мол, если не могу купить нормальную машину, надо внушить себе и другим, что «Лада» ничем не хуже «мерса», а по некоторым параметрам лучше. Ценой, например. При этом опускается тот факт, что для своего качества «Лада» жутко дорогая машина — ей красная цена в базарный день тысячи четыре, а продают ее за все шесть. Такая вот арифметика.

Вскоре Катя поймала машину — выдавшую виды «Вольво». Мне предложила занять место на заднем сиденье, а сама устроилась спереди, рядом с водителем.

— На улицу Вильгельма Пика, — назвала она адрес. — К северному входу ВВЦ.

Конечно, ехать на машине было куда приятнее, чем в вагоне метро. Я немного расслабился, откинулся на спинку сиденья и любовался видами через окно. Несмотря на дождь, Москва выглядела празднично, но я знал, что это просто от непривычки путешествовать по поверхности. Сверху Москва воспринимается совершенно иначе, нежели из-под земли. Для пассажиров метро она имеет вид окрестностей разных станций, а для тех, кто ездит в машинах, город приобретает некую целостность. Причем это имеет не столько географическое, сколько психологическое значение. Начиная воспринимать цельность города, ощущаешь цельность мира вообще, поскольку для жителя мегаполиса город представляет собой если не весь мир, то огромную, а главное — постоянную его часть. Гриша, к примеру, похвастался, что, как купил машину, сразу пошел в гору. Для меня в этом не было ничего удивительного. Хуже было то, что и сухой он тоже стал, причем редкостной. Ну зачем выключать мобилу? Неужели трудно ответить по-человечески, что нет, дескать, возможности устроить на работу. Я бы понял. А если бы сразу не выделялся, если бы честно признал, что на его мнение там не сильно опираются, я бы вообще не выезжал из дома и не тратил бы проходку в метро. Правда, тогда мне бы не выпал шанс немного подзаработать.

Когда водитель нас довез и мы выбрались из машины, я запоздало спросил:

— Кать, а сколько за это платят? Ну, за съемку в рекламе?

Честно говоря, я не имел ни малейшего представления о

расценках в этом бизнесе. Судя по журнальным статьям, модели получали очень много, ездили на лимузинах и жили в шикарных квартирах. Однако я отдавал себе отчет в том, что за разовую работу никаких головокружительных гонораров не будет. Дадут долларов триста — и то хорошо.

— Ну, обычно башляют тысячу, — ответила она. — Иногда бывает и полторы, если поработаешь хорошо. Это только кажется, что работа легкая, а на самом деле не такой уж и сахар. Лампы шпарят в лицо, жарыща, грима на лице вот такой слой. — Она широко развела пальцы.

«Ничего себе! — думал я между тем. — Тысяча баксов! Да на войне мне за три месяца столько не прилетало!»

Однако что-то меня насторожило. То есть тысяча долларов соответствовала моим представлениям о заработках в рекламном бизнесе, но такая сумма была все же великоватой для первого встречного. Отсюда можно было предположить другие единицы измерения этой тысячи, а именно — рубли. Тогда получалось до неприличия мало.

Если так, то схема разводки у меня более или менее вырисовывалась. Получалось, что меня хотели развести не на деньги, а на бесплатную работу. Не совсем, конечно, бесплатную, но стоящую значительно больше, чем за нее собирались платить. И Катя в таком случае выполняла те функции, которые я ей с самого начала приписал, — она искала и привозила лохов. В данном случае меня. Наконец до меня дошло, что именно не стыковалось в истории моей нанимательницы. Ну на кой черт надо было ехать к этому Алику? Его что, нельзя было вызвать на студию по телефону? Вообще дураком надо быть, чтобы попасть на такую удочку.

Ощущать себя лохом было в высшей степени неприятно. Но здесь была не война, здесь были совершенно другие условия, здесь сила, ловкость и боевые навыки, по сути, не значили вообще ничего. Зато на первый план выходили хитрость, умение пользоваться чужими слабостями и знание расстановки сил. В общем, тоже боевые навыки, но несколько иного порядка.

С другой стороны, даже поняв суть разводки, я не собирался уходить. В моем нынешнем положении и тысяча рублей здорово бы меня поддержала. Короче, условия мне подходили в любом случае, так что я решил не уточнять, в рублях или в

СОДЕРЖАНИЕ

МИР ВЕЧНОГО ЛИВНЯ. *Роман*

Пролог	7
Глава 1. РОЗЫГРЫШ	11
Глава 2. ВЫГОДНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ	45
Глава 3. ОКУРОК	61
Глава 4. ПЕРВЫЙ БОЙ	100
Глава 5. НОВАЯ ЦЕЛЬ	164
Глава 6. ПОБЕДА	216
Глава 7. МОСТ	274
Глава 8. ГЕРОИН ДЛЯ ГЕРОЕВ	311
Глава 9. ПУТЬ ОБМАНА	367
Глава 10. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ	400
Глава 11. С ЧЕРНОГО ХОДА	410
Глава 12. БЫСТРОЕ СОЛНЦЕ	442
Глава 13. ЧАС «ИКС»	454

РАЗБУДИТЬ БОГА. *Роман*

Глава 1. НАПАДЕНИЕ	487
Глава 2. ДОПРОС	496
Глава 3. СТРАШНАЯ СКАЗКА	502
Глава 4. СПЯЩИЙ БОГ	513
Глава 5. СТЕКЛА	541
Глава 6. ПОСЛАННИК	568
Глава 7. ОБОРОТЕНЬ	585
Глава 8. ДВА СТВОЛА	602
Глава 9. ВРАГ МОЙ	617
Глава 10. ИНФЕКЦИЯ	636
Глава 11. IN VITRO	660
Глава 12. БИЛЕТ ВТОРЫМ КЛАССОМ	681
Глава 13. ЭВТАНАЗИЯ	706
Глава 14. ОСЕННИЙ ГРОМ	716
Глава 15. KILL КИРИЛЛ	725
Глава 16. KILL КИРИЛЛ VOL. 2.	735
Глава 17. ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ	758
Глава 18. ТРАНСФОРМАТОР	791